

М.В. ГРАБЕВНИК*

**КООПТАЦИЯ ДВИЖЕНИЙ ЗА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ
В ГОСУДАРСТВАХ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЫ
КАК МЕХАНИЗМ УПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТИКО-
ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ГЕТЕРОГЕННОСТЬЮ¹**

Аннотация. Кооптация движения за самоопределение может выступать в качестве механизма управления политико-территориальной гетерогенностью в современных многосоставных политиях. Исследовательское внимание в настоящей статье направлено на феномен кооптации движений за самоопределение общенациональным властями в государствах современной Европы в период 1990–2024 годов. В качестве ключевой аналитической задачи выступает фиксация случаев институциональной кооптации движений за самоопределение в государствах Европы в период 1990–2024 годов, их классификация с учетом критериев устойчивости и длительности процесса, а также характеристика (на примере отдельных случаев) кооптации как механизма управления политико-территориальной гетерогенностью. В первой части статьи описана авторская концептуализация кооптации движений за самоопределение, сравнительные параметры и границы классификации. Во второй части представлены случаи институциональной кооптации движений за самоопределение в государствах Европы в период 1990–2024 годов и их классификация с учетом критериев устойчивости и длительности описываемого явления. Завер-

---

* **Грабевник Михаил Владимирович**, кандидат политических наук, научный сотрудник Отдела по исследованию политических институтов и процессов Института гуманитарных исследований, Пермский федеральный исследовательский институт Уральского отделения РАН (Пермь, Россия), e-mail: mikhailgrabevnik@yandex.ru

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00530, <https://rscf.ru/project/23-18-00530/> (проект «Почему заимствуют неэффективные институты? Управление политико-территориальной гетерогенностью и обеспечение территориальной целостности государства») в Пермском федеральном исследовательском центре УрО РАН. Автор выражает благодарность Панову П.В. и Сулимову К.А. за предварительное обсуждение рукописи, ценные комментарии и конструктивные предложения.

шающая часть посвящена сравнительному описанию классов кооптации и рассмотрению отдельных примеров кооптации как механизма управления политико-территориальной гетерогенностью. Зафиксированы три ключевых класса институциональной кооптации: устойчивые правительственные высокой степени с разными партиями и средней степени с одним (или несколькими) идеологически близким партнером, а также минимальной степени с разными партиями власти (но с наличием приоритетных партнеров). Установлено, что кооптация как механизм управления политико-территориальной гетерогенностью чаще всего проявляется в формате устойчивых и длительных правительственных кооптаций с различными партийными и идеологическими партнерами, что обусловлено необходимостью нивелирования радикальных актуальных угроз целостности государства. Сделаны предположения в отношении возможных различий механизма кооптации движений за самоопределение и традиционного формата кооптаций оппозиционных партий.

Ключевые слова: кооптация; движения за самоопределение; политико-территориальная гетерогенность; регионализм; сепаратизм; регионалистские партии; Европа.

Для цитирования: Грабевник М.В. Кооптация движений за самоопределение в государствах современной Европы как механизм управления политико-территориальной гетерогенностью // Политическая наука. – 2025. – № 3. – С. 107–130. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.03.05>

Сложносоставные государства используют широкий спектр механизмов поддержания политико-территориальной целостности и стабилизации отношений с движениями за самоопределение (*self-determination movements*): силовое подавление, институциональные реформы, медиация международных акторов, формальные и неформальные интеракции с субъектами субнациональных регионализмов [Панов, 2024]. В качестве подобной управленческой системы нередко используется кооптация движений за самоопределение (в том числе регионалистских партий, представляющих их интересы), чему исследователи уделяют несправедливо мало внимания.

Изучение кооптационных механизмов редко касается проблем политико-территориальной гетерогенности. Как в российской, так и в зарубежной литературе исследования ориентированы прежде всего на объяснение кооптации оппозиционных политических акторов в условиях гибридных и авторитарных режимов [Gandhi, Przeworski, 2006; Gandhi, Przeworski, 2007; Gandhi, Lust-Okar, 2009; Golosov, 2014; Gandhi, Buckles, 2016; Reuter, 2017; Туровский, Сухова, 2021; Kavasoglu, 2021; Attiola, Devaro, Meng, 2021]. Отдельные работы посвящены сюжетам кооптации движений за самоопределение. На примерах Большого Ближнего Востока проанализированы случаи формальной кооптации оппозиционных регионали-

стских групп посредством селективной легализации и допуска их к электоральному процессу (при их соответствии неформальным критериям установившегося режима) [Hultquist, Birnir, Asal, 2021]. Изучены отдельные кейсы региональной и локальной кооптации в национальных государствах Африки южнее Сахары (в том числе назначение на руководящие посты в регионах и локалитетах) [Carter, Hasan, 2021]. Вместе с тем, несмотря на наличие монументального пласта работ о кооптации оппозиционных партийных групп в гибридных и авторитарных политических режимах, в настоящее время существует мало сравнительных исследований феномена кооптации движений за самоопределение в сложносоставных политиях. Представленная статья является попыткой частичного заполнения данного пробела.

Кооптация движений за самоопределение как механизм управления политико-территориальной гетерогенностью в государствах Европы в период 1990–2024 годов представляет, таким образом, *предметное поле настоящего исследования*. Это исследование посвящено фиксации случаев институциональной кооптации движений за самоопределение в государствах Европы в период 1990–2024 годов как механизма управления политико-территориальной гетерогенностью в государствах современной Европы. Ключевые исследовательские задачи: (1) выявить и зафиксировать случаи институциональной кооптации движений за самоопределение в государствах Европы в период 1990–2024 годов; (2) проанализировать их вариативность и осуществить классификацию с учетом критериев устойчивости и длительности кооптации; (3) на примерах отдельных случаев рассмотреть механизм – как кооптация используется национальными правительствами в целях управления политико-территориальной гетерогенностью.

В начале статьи представлена концептуализация институциональной кооптации движений за самоопределение. Далее представлена фиксация и классификация случаев кооптации движений за самоопределение в государствах Европы в период 1990–2024 годов. В последней части статьи осуществлен дескриптивный анализ отдельных классов кооптации движений за самоопределение в сравнительной перспективе и на примере отдельных случаев охарактеризован механизм кооптации как системы управления политико-территориальной гетерогенностью. В заключении представлены ключевые компаративистские наблюдения и тезисы для дальнейшего теоретического обсуждения предмета.

Кооптация движений за самоопределение как рациональная сделка

Кооптацию следует понимать как сделку, в которой политические акторы, следуя рациональной логике, вступают в интеракции в целях максимизации выгод и снижения (или нивелирования) издержек, потенциальных угроз. Кооптация предполагает ограниченные политические уступки, (ре)дистрибуцию политико-административных полномочий и политической / экономической ренты в обмен на лояльность режиму и институциональному порядку, а также контроль над мобилизацией (в том числе под регионалистскими / сепаратистскими лозунгами) со стороны привлекаемых политических акторов [Arriola, 2021; Kavasoglu, 2024]. Процессы кооптации при этом представляются асимметричными, когда обладающий властью и административным ресурсом доминирующий актор инкорпорирует миноритарных игроков, которые демонстрируют значительный электоральный, мобилизационный, политический потенциал и представляют актуальную или потенциальную угрозу [Gerschewski, 2013].

В такую логику укладывается феномен кооптации движений за самоопределение общенациональными правительственными группами. В подобном сценарии теоретически предполагается, что рациональная сделка представляет обмен политической и / или экономической ренты на сохранение институционального статус-кво, нивелирование угроз политико-территориальной целостности государства и снижение радикальности требований со стороны движения за самоопределение [Schmoltz, 2015].

Спектр объектов кооптации, согласно теоретической литературе, является достаточно широким. Как правило, политические акторы, которых требуется кооптировать, представляют собой группы, несущие большой потенциал угрозы сложившемуся балансу сил и способные предложить альтернативу существующему режиму. Такими стратегическими группами могут выступать военные организации, организованные корпоративные структуры, политические партии, политизированные этнические организации и группы [Schmoltz, 2015]. В нашем случае *в качестве объекта кооптации выступает политически значимое движение за самоопределение*. Такое движение может обладать политической субъектностью в разных форматах: регионалистские политические партии, повстанческие и вооруженные группы, армии и террористические группировки, отдельные политические персоналии,

субнациональные власти. Наиболее часто встречающиеся случаи кооптации (особенно институционального формата) ориентированы на регионалистские партийные силы. Вместе с тем с исследовательской точки зрения было бы неправильно игнорировать возможность кооптации движения за самоопределение посредством других мер за пределами регионалистских партий. Ввиду этого феномен кооптации в настоящей статье предлагается рассматривать именно в отношении указанных движений.

Необходимо также понимать, что определяющее значение в рамках рациональной сделки по кооптации имеют интенции контрагентов – то есть наличие обоюдно направленного осознанного желания заключить такую сделку. Пользуясь терминологией экономической теории, можно сказать, что для совершения сделки спрос и предложение на рынке кооптации должны совпадать. В данной связи стоит предположить, что возможно отсутствие консолидации внутри контрагента в вопросе заключения соглашения о кооптации. С одной стороны, внутри движения за самоопределение может отсутствовать консенсус в выборе приоритетной политической стратегии, что приведет к расколу на умеренное крыло (готовых пойти на уступки сторонников институциональных механизмов борьбы и потенциально возможной кооптации) и радикальное (не готовых пойти на уступки ортодоксальных регионалистских радикалов и сепаратистов). С другой стороны, в рамках национального правительства также может отсутствовать единство в вопросе необходимости использования кооптации движения за самоопределения как механизма сохранения политико-территориальной целостности (в контексте наличия иных мер – например, реформ и / или подавления). Таким образом, кооптация принципиально возможна при согласовании интенций контрагентов – когда сторонники кооптации в национальном правительстве будут готовы объединиться с умеренным крылом движения за самоопределение, готовым пойти на уступки и снизить уровень радикальности требований.

Современные исследования указывают, что кооптация может осуществляться посредством как формальных политических институтов, так и неформальных практик (дихотомия формальные – неформальные каналы) [Gerschewski, 2013]. Среди неформальных каналов кооптации часто отмечаются электоральный клиентелизм, этническое голосование, патронажные сети, политические машины. Вместе с тем подчеркивается сложность аналитической фиксации феномена неформальной кооптации и, как следствие, трудности с его

операционализацией [Gerschewski, 2013]. Более детально разработано поле формальных каналов: процедурные демократические институты, такие как выборы, парламенты, партии, выполняют важные функции для кооптации стратегических элит [Gandhi, Przeworski, 2006]. Отмечается значительная роль института выборов как эффективного инструмента кооптации оппозиции в существующую политическую систему [Reuter, Buckley, Shubenkova, 2016; Панов, Сулимов, 2021]. Большое политическое значение в качестве канала кооптации имеют законодательные и исполнительные органы власти [Williamson, Magaloni, 2020; Wiebrecht, 2021]. Кооптация посредством формальных институтов «позволяет акторам, не входящим в правящую коалицию, использовать инструменты получения политических позиций, которые могут принести как материальные выгоды, так и ограниченное, но вполне реальное влияние на принятие политических решений» [Gandhi, Lust-Okar, 2009].

Существует несколько ключевых механизмов кооптации через формальные политические институты. Во-первых, кооптация через механизмы селективной легализации общественно-политических организаций и предоставления отдельным политическим группам права участвовать в электоральном процессе. Такой кооптационный механизм может быть реализован в двух вариантах: через формальное легальное избирательное (раз)решение о допуске к электоральному процессу (и / или регистрации политической партии) и через ограничение такого права в форме рестриктивных решений [Hultquist, Birnir, Asal, 2021].

Во-вторых, кооптация посредством перераспределения позиций / постов в рамках законодательных органов власти. Такая стратегия, согласно исследованиям, ограничивает доступ оппозиционных групп к принятию политических решений через должности в национальной легислатуре. Это, в свою очередь, снижает управленческие риски в отношении контроля над оппозиционными группами (позиции в легислатуре часто не являются определяющими в процессах принятия политических решений) и стимулы для мобилизации массовых антирежимных восстаний и иных движений такими группами [Armstrong, Reuter, Robertson, 2020]. Распределение постов и должностей в легислатурах хотя и может способствовать дистрибуции политической ренты между правящими и оппозиционными силами, не всегда свидетельствует о перераспределении политической субъектности, особенно в гибридных и авторитарных политических режимах со слабой функциональной ролью парламентских структур [Wilson, Woldense, 2019]. При этом, однако, законодательные органы помогают

включать широкий спектр субъектов, представляющих интересы миноритарных групп, способствуя устойчивости режима [Malesky, Shuler, 2010; Reuter, Robertson, 2015].

В-третьих, кооптация посредством перераспределения позиций / постов в органах исполнительной власти. В отличие от перераспределения законодательных должностей, позиции в правительственных кабинетах расширяют спектр политико-управленческих возможностей оппозиционных элит и позволяют более явно влиять на политический процесс [Artiola, Devaro, Meng, 2021]. Назначения в исполнительных органах власти могут дополнять кооптацию в законодательных органах, когда требуются большие институциональные уступки. Правящие элиты по всему миру регулярно включают оппозиционные силы в правительственные кабинеты (для чего нередко количественно расширяют структуру кабинета и создают новые министерские посты) в целях нивелирования угроз существующему политическому режиму [Vokobza, Nugur, 2024]. Назначения на политически значимые позиции в правительственных структурах субнационального уровня (например, назначение губернатора в субъекте федерации) также свидетельствуют о признаках кооптации.

Основываясь на работах зарубежных и российских авторов, таким образом, можно концептуально зафиксировать вариацию институциональной кооптации движений за самоопределение со стороны национального правительства. Во-первых, предполагается, что кооптация движений за самоопределение – системный и продолжительный процесс, в котором в равной степени рационально заинтересованы как регионалистские / сепаратистские акторы, так и правительственные структуры. Это, в свою очередь, означает, что рассматривать в качестве кооптации ситуативные и краткосрочные эпизоды кооперации между движениями за самоопределения и правящими группами не представляется справедливым. Вместо этого предлагается выделять эпизоды краткосрочных и спорадических коопераций как коалиционные взаимодействия, которые не являются в полной мере случаями именно кооптации. Кооптационные и коалиционные практики при этом могут пересекаться, например, кооптационные практики в правительственных структурах или электоральные блоки являются коалиционным взаимодействием.

Во-вторых, длительная кооптация должна быть рассмотрена также с учетом партийно-идеологических предпочтений контр-агентов. Сценарий, в котором регионалистские акторы выстраивают

кооптационные практики с правящими партиями вне зависимости от их идеологического или партийного портрета, свидетельствует о более институционализированной и устойчивой кооптации. Наоборот, сценарии, где движения за самоопределение привлекаются исключительно одной партийной / идеологической стороной, свидетельствуют о менее устойчивой кооптации, даже с учетом ее длительности (поскольку зависит от партийных связей больше, чем от связей институциональных). Кооптация, таким образом, имеет место, когда кооперация наблюдается в течение нескольких эпизодов с одним или несколькими партийными / идеологическими партнерами (табл. 1).

Таблица 1

Варианты кооптации движений за самоопределение с общенациональными правительственными группами

Партийно-идеологические предпочтения	Длительность кооптации	
	Один эпизод	Несколько эпизодов
Одна партия-партнер / один идеологический партнер	Коалиционные неустойчивые партнерства	Устойчивые партнерские кооптации
Несколько партий-партнеров / несколько идеологических партнеров	Сложные коалиционные неустойчивые партнерства	Устойчивые институциональные кооптации

В-третьих, необходимо также концептуально зафиксировать вариацию степеней институциональной кооптации движений за самоопределение со стороны национального правительства (таблица 2). Исследовательский фокус наведен на национальный уровень кооптации и оставляет за рамками аналитического рассмотрения субнациональный и локальный политико-административные уровни. Как уже было отмечено ранее, эмпирические и теоретические исследования указывают на существование иных форм кооптации – например, назначение на руководящие посты в муниципальных / локальных или субнациональных органах власти [Carter, Nasan, 2021; Vokobza, Nygur, 2024]. Фокус представленного исследования сконцентрирован на изучении кооптации минимальной¹ и средней / высокой² степеней на национальном уровне.

¹ Включение регионалистских партийных акторов в электоральные коалиции национального уровня; поддержка национального правительства регионалистскими политическими партиями.

² Участие регионалистских партийных сил и / или иных представителей движения за самоопределение в коалиционном правительстве на национальном уровне.

Таблица 2

Степени институциональной кооптации движений за самоопределение

Степень кооптации	Характеристика	Авторы
Минимальная степень кооптации	Включение регионалистских партийных акторов в электоральные коалиции на субнациональном и национальном уровнях. Поддержка национального правительства регионалистскими политическими партиями.	[Arriola et al., 2021; Bokobza, Nyurup, 2024]
Средняя степень кооптации	Участие регионалистских партийных сил и / или иных представителей движения за самоопределение в коалиционном правительстве на национальном уровне.	[Reuter, Robertson, 2015; Wilson, Woldense, 2019]
Высшая степень кооптации	Участие регионалистских партийных сил и / или иных представителей движения за самоопределение в коалиционном правительстве на национальном уровне при выделении значительных министерских портфелей.	[Reuter, Robertson, 2015; Bokobza, Nyurup, 2024]

Источник: составлено автором.

Таким образом, кооптация движений за самоопределение может быть рассмотрена в сравнительной перспективе по двум ключевым параметрам: *устойчивость институциональной кооптации* (длительность кооптации + партийной-идеологические предпочтения контрагентов) и *степень институциональной кооптации*.

Таблица 3

Параметры сравнения случаев институциональной кооптации движений за самоопределение

Параметр	Значение	Характеристика
Устойчивость институциональной кооптации	Устойчивые кооптации с одним партнером	Длительные кооптации с одним партийным / идеологическим партнером
	Устойчивые кооптации с несколькими партнерами	Длительные кооптации с несколькими партийными / идеологическими партнерами
Степень институциональной кооптации	Минимальная степень кооптации	Поддержка правящей партии без участия в правительстве и / или электоральная коалиция с правящей партией без вхождения в правительство
	Средняя степень кооптации	Участие в правительстве без значительных министерских портфелей
	Высшая степень кооптации	Участие в правительстве с наличием значительных министерских портфелей

Источник: составлено автором.

Сравнительные параметры отобраны исходя из теоретических и эмпирических исследований кооптации оппозиционных партийных групп и доработаны с учетом предметного поля (табл. 3). Кооптация анализируется на национальном уровне и в институциональном формате. Для разграничения средней и высшей степени кооптации позиции в национальном правительстве фиксировались в логике существующих исследований: вице-премьеры, министры внутренней безопасности, министры обороны, министры финансов и министры иностранных дел трактовались как значительные правительственные позиции, остальные рассматривались как второстепенные и незначительные [Bokobza, Nugur, 2024].

Фиксация и классификация эмпирически наблюдаемых случаев институциональной кооптации движений за самоопределение

Поскольку предметом настоящей работы выступает кооптация как механизм управления политико-территориальной гетерогенностью, фиксация выборочной совокупности для эмпирического анализа обусловлена несколькими критериями. Были выделены случаи в рамках хронологического периода *1990–2024 годов в географическом пространстве европейских государств*. Выбор локации обусловлен наличием эмпирически наблюдаемых движений за самоопределение достаточно широкого спектра (по типам, основаниям, динамике) и доступностью открытых эмпирических данных.

Во-первых, выделены *политически значимые движения за самоопределение, несущие значительную угрозу политико-территориальной целостности политики*, по ключевым индикаторам: высокая степень интенсивности конфликта, в который вовлечено движение; участие в правительстве на субнациональном уровне регионалистской партии, представляющей интересы движения; выраженная политика национального центра (институциональные реформы и / или активное подавление) в отношении движения. Низкий уровень радикальности требований движения за самоопределение, которые не являются существенной угрозой политико-территориальной целостности, ставит под сомнение необходимость кооптации как рациональной сделки. На этом основании из выборочной совокупности были исключены случаи, в которых движения не предъявляют радикальных требований, несущих угрозу

политико-территориальной целостности государства и в которых не наблюдается регионалистских партий, контролирующих субнациональные органы власти: фризское движение в Королевстве Нидерланды, этнические русские в Латвии и Эстонии, Корнуолл и Шетландские и Оркнейские острова в Соединенном Королевстве, французские регионы Эльзас, Сен-Бартелеми и Сен-Мартин, Гваделупа. На этом этапе выборочная совокупность составила 32 движения за самоопределение в 15 европейских государствах (Албания, Бельгия, Босния и Герцеговина, Дания, Испания, Италия, Литва, Румыния, Северная Македония, Сербия, Соединенное Королевство, Словакия, Франция, Финляндия, Хорватия).

Во-вторых, были также учтены политико-институциональные характеристики национальных государств, которые представляют *институциональные условия нивелирования спроса и потребности в использовании механизма кооптации* со стороны контрагентов (то есть максимально снижают необходимость и возможность кооптации): (1) институты *power-sharing*, которые предполагают институционально оформленное вхождение движений за самоопределение в структуры власти на суб- и национальных уровнях (по этому основанию из выборочной совокупности были исключены Босния и Герцеговина, Королевство Бельгия); (2) специализированные центр-региональные соглашения, электоральные квоты и широкая степень автономии отдельных административно-территориальных единиц, при которых использование механизма кооптации не представляется рациональным (по этому основанию из выборочной совокупности были исключены, например, Фарерские острова и остров Гренландия Королевства Дании, Аландские острова Финляндии).

Выборочную совокупность, таким образом, составили 29 движений за самоопределение в 11 государствах (Албания, Испания, Италия, Литва, Румыния, Северная Македония, Сербия, Соединенное Королевство, Словакия, Франция, Хорватия), где были произведены поиск и фиксация случаев институциональной кооптации. Итоговая выборочная совокупность с указанием регионалистских партий, представляющих интересы движения за самоопределение, зафиксирована в таблице 4.

Таблица 4

Выборочная совокупность

Государство	Движение за самоопределение (этническая группа и / или регион)	Регионалистские партии
Албания	Греки	Unity for Human Rights Party
Испания	Каталония	Convergence and Union
	Страна Басков	Basque Nationalist Party Basque Country Unite
Италия	Валле-д'Аоста	Aosta Valley League
	Падания	Northern League
		League
	Сардиния	Sardinian Action Party
		For the Independence of the Sardinian Nation
	Сицилия	Movement for Autonomy
		South Calls North
	Трентини	Trentino Tyrolean Autonomist Party
Union for Trentino		
Фриули-Венеция	Lega Friuli-Venezia Giulia	
	Южный Тироль	South Tyrolean People's Party
Литва	Поляки	Electoral Action of Poles in Lithuania
Румыния	Венгры	Democratic Alliance of Hungarians in Romania
Северная Македония	Албанцы	Democratic Party of Albanians
		Democratic Union for Integration
Сербия	Воеводина	Democratic Fellowship of Vojvodina Hungarians
		Alliance of Vojvodina Hungarians
	Прешево	Party for Democratic Action
	Хорваты	Democratic Alliance of Croats in Vojvodina
Словакия	Венгры	Justice and Reconciliation Party
		Hungarian Alliance
Соединенное Королевство	Северная Ирландия	Sinn Fein
		Social Democratic and Labour Party
	Уэльс	Plaid Cymru
Франция	Шотландия	Scottish National Party
	Бретань	Breton Democratic Union
		Корсика
	Мартиника	Martinique Progressive Party
		Martinican Independence Movement
	Новая Каледония	Kanak Socialist National Liberation Front
		Caledonian Union
		Party of Kanak Liberation
	Французская Гвиана	Generations New Caledonia
		Guianese Socialist Party
Французская Полинезия	Decolonization and Social Emancipation	
	People's Servant	
Хорватия	Истрия	List of the People
		Istrian Democratic Assembly
	Сербская Краина	Independent Democratic Serb Party

Источник: составлено автором.

В целях фиксации и классификации случаев институциональной кооптации движений за самоопределение в государствах Европы в 1990–2024 гг. была составлена база данных, аккумулирующая информацию из ряда ресурсов. Характеристики движений за самоопределение были взяты из открытой оригинальной базы данных исследовательского проекта и базы данных проекта *Self-Determination Movements* [Sambanis, Germann, Schadel, 2018]. Степень и устойчивость институциональной кооптации движения за самоопределение оценивались по материалам базы данных *Who Govern* [Nyurp, Bramwell, 2020] и электоральным данным официальных статистических агентств и избирательных комиссий.

На основе собранных данных было установлено, что из 29 случаев выборочной совокупности институциональная кооптация движений за самоопределение на национальном уровне наблюдается в 16 случаях. Процессов использования устойчивой институциональной кооптации не зафиксировано в отношении Сардинии и Фриули-Венеции в Италии. Еще в двух итальянских системах (Сицилии в 2008–2013 гг. и Тренти в 2006–2008 гг.) зафиксированы эпизоды ситуативных коалиционных взаимодействий в формате электоральной поддержки правящей партии, которые не являются кооптацией (согласно указанной в первой части статьи концептуализации). Среди французских движений за самоопределение (Бретань, Корсика, Мартиника, Новая Каледония, Французская Гвиана, Французская Полинезия)¹, несмотря на наличие значимых регионалистских партий и нерегулярное участие в правительстве на субнациональном уровне, случаев институциональной кооптации на национальном уровне зафиксировано не было. Отсутствие случаев институциональной кооптации в британской среде обусловлено прежде всего широкой степенью региональной автономии Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии (в последней также имеет место реализация принципа *power-sharing* на субнациональном уровне) [Грабевник, 2024].

Общее распределение случаев кооптации движений за самоопределение по сравнительным классам (критерии степени и

---

¹ Во французских заморских территориях также часто встречаются референдумы и административные реформы как механизмы управления политикотерриториальной гетерогенностью. Например, один из последних референдумов по вопросу самоопределения прошел в 2021 году в Новой Каледонии и стал третьим по счету. В 2007 году, например, получили собственный политико-административный статус Сен-Бартелеми и Сен-Мартен.

устойчивости институциональной кооптации) зафиксировано в таблице 5. Среди эмпирически наблюдаемых случаев 56,3% (или 9 единиц наблюдения) представляют кейсы кооптации минимальной степени, где наличествует поддержка правящей партии со стороны движения за самоопределение / регионалистской партии без участия в правительстве и / или электоральная коалиция с правящей партией без вхождения в правительство. Кооптация в качестве участия движения за самоопределение в правительстве на национальном уровне встречается в 7 случаях, т.е. в 43,7%, в 3 из них – кооптация высшей степени (с выделением значительных министерских мандатов) и еще 4 – кооптация средней степени.

Таблица 5

Классификация наблюдений институциональной кооптации движений за самоопределение в период 1990–2024 гг.

Степень кооптации	Устойчивость институциональные кооптации	
	Устойчивые кооптации с одним партийным / идеологическим партнером	Устойчивые кооптации с разными партийными / идеологические партнерами
Минимальная степень кооптации	Санджак в Сербии	Страна Басков в Испании Каталония в Испании Воеводина в Сербии Южный Тироль в Италии Валле-д'Аоста в Италии Хорваты в Сербии Сербы в Хорватии Прешево в Сербии
Средняя степень кооптации	Истрия в Хорватии Поляки в Литве Падания в Италии	Греки в Албании
Высшая степень кооптации	Нет наблюдений	Албанцы в Северной Македонии Венгры в Румынии Венгры в Словакии

По критерию устойчивости чаще встречаются случаи кооптации с несколькими партийными и / или идеологическими партнерами – 75% (12 случаев из 16). Длительные кооптационные соглашения с одним партийным / идеологическим партнером наблюдаются намного реже: три случая средней степени (Истрия в Хорватии, Поляки в Литве, Падания в Италии) и один – кооптации минимальной степени (Санджак в Сербии). Доминирование длительных кооптаций с разными правящими политическими партиями, нежели с одним стабильным правящим партнером прежде всего объясняется естественной сменяемостью правящих групп как в

демократических политиях (Испания, Италия, Хорватия, Литва), так и в относительно гибридных режимах (Албания, Сербия, Северная Македония, Румыния).

Средний срок длительных кооптационных практик составляет 4,1 электорального цикла. Наиболее длительные эпизоды кооптации: албанцы в Северной Македонии и венгры в Румынии – 7 электоральных циклов; Воеводина в Сербии – 6; сербы в Хорватии, венгры в Словакии, Страна Басков в Испании – 5. Случаев непрерывной длительной кооптации, составляющих три и более электоральных цикла подряд, зафиксировано пять: албанцы в Северной Македонии (7 электоральных циклов в период 1998–2024 годов), Южный Тироль в Италии (4 электоральных цикла в 2006–2024 годах), Воеводина в Сербии (4 электоральных цикла в период 2012–2024 годов), греки в Албании (3 электоральных цикла в 1997–2009 годы) и Страна Басков в Испании (3 электоральных цикла в период 2016–2024 годов). Среди них случаи институциональной кооптации албанцев в Северной Македонии и греков в Албании выделяются среди прочих более высокой степенью.

Наиболее существенный класс эмпирически наблюдаемых случаев кооптации (8 из 16) – устойчивая кооптация с разными партнерами минимальной степени (электоральная коалиция без вхождения в правительство). Среди правительственных кооптаций наблюдаются два сценария: кооптация средней степени со стабильным партийным / идеологическим партнером (3 случая из 16) или кооптация высшей степени (с выделением ключевых министерских постов) с идеологически разными партнерами (также 3 случая из 16). Используя качественную сравнительную оптику, необходимо отметить отдельные закономерности и иллюстративные кейсы устойчивых кооптационных практик.

Институциональная кооптация как механизм управления политико-территориальной гетерогенностью

Устойчивые кооптации высшей степени с разным партнерами. Случаи устойчивой кооптации албанцев в Северной Македонии, а также этнических венгерских сообществ в Румынии и Словакии представляют собой достаточно схожие модели. Устойчивый и длительный формат значительной правительственной кооптации обусловлен необходимостью снижения угрозы полити-

ко-территориальной целостности, исходящей от движения за самоопределение.

Наиболее иллюстративна кооптация как механизм управления политико-территориальной гетерогенностью в случае этнических албанцев в Северной Македонии. По примеру косовских албанцев, в 1999 году в Македонии под лозунги национального освобождения были созданы вооруженные формирования этнических албанцев – Армия национального освобождения. Вооруженные столкновения национальных властей с албанскими повстанцами в Тетеве, Арачиново, Куманово в 2001 году, расцениваемые как значительная и явная угроза политико-территориальной целостности македонского государства, завершились Охридским соглашением, по условиям которого радикальная АНО нашла институциональное продолжение в формате политической партии «Демократический союз за интеграцию» (лидер повстанцев Али Ахмети стал лидером партии) [Пономарева, 2010]. После данной итерации конфликта «Демократический союз за интеграцию» регулярно включается в правительственные структуры на национальном уровне. Эпизоды игнорирования албанского движения за самоопределение в качестве партнера институциональной кооптации сопровождалась мобилизацией масс и протестными акциями (так было в случае партии «Внутренняя македонская революционная организация – Демократическая партия за македонское национальное единство» в 2006 году) или эскалацией конфликта, прецедентами гражданского насилия (как это случилось в период правительственного кризиса 2015–2016 годов). Вследствие этого, институциональная кооптация национальными правительствами осуществлялась вновь, свидетельствуя о рациональной сделке – политическая рента в обмен на снижение угрозы политико-территориальной целостности государства. Риски и угрозы, демонстрируемые албанскими регионалистами, стимулируют национальные правительства (вне зависимости от идеологической принадлежности) сохранять и поддерживать практики кооптации в качестве механизма управления политико-территориальной гетерогенностью (нередко сопровождая их институциональными реформами и / или подавлением).

Институциональная кооптация как механизм управления политико-территориальной гетерогенностью, таким образом, может быть разложена на следующий алгоритм: (1) наличие политически значимого движения за самоопределение, представляющего явную угрозу политико-территориальной целостности; (2) наличие угрозы политико-территориальной целостности государства и повышение

уровня интенсивности конфликта; (3) осуществление институциональной кооптации движения за самоопределение; (4) снижение / нейтрализация угрозы политико-территориальной целостности государства и падение уровня интенсивности конфликта.

В случаях венгерских движений за самоопределение также можно найти подобный механизм. Угрозы политико-территориальной целостности со стороны движения за самоопределение в Словакии и Румынии были не столь радикальны как в Северной Македонии, однако также выступали стимулами для осуществления кооптационных практик. Словацкие венгры в 1990-е годы выступали против националистической политики центрального правительства в отношении культурных и языковых прав и активно лоббировали радикальный пересмотр административно-территориальных границ политики. В связи с этим регионалистские акторы неоднократно организовывали протестные акции, которые могли быть интерпретированы в качестве существенной угрозы политико-территориальной целостности государства. Это привело к множественной имплементации кооптации венгерского меньшинства как механизма политико-территориальной целостности (1998–2006, 2010–2012, 2016–2024). В 1998–2006 гг. правая «Народная партия – Движение за демократическую Словакию» пыталась сгладить политические эффекты националистической политики Словакии 1990-х годов и привлекала «Венгерский Альянс» для реализации институциональных реформ. Уже во второй половине 2000-х годов венгерские регионалисты дискредитировали себя сотрудничеством со словацкими националистами, в результате чего на политической арене появилась новая регионалистская партия «Мост», выступающая за интеграцию и умеренную регионализацию. В начале 2010-х годов она в ситуативном порядке была кооптирована левой партией «Курс – социальная демократия», а затем была участницей процесса уже и в более системном порядке [Everett, Redzic, 2021]. Венгерские сообщества в Румынии в первой половине 2000-х годов активно продвигали идею создания автономного региона Секлерленда и осуществляли мобилизацию венгерской общины, но после имплементации регулярных кооптационных практик подобные радикальные требования озвучивались уже не столь явно [Грабевник, 2022].

Случай институциональной кооптации греков в Албании (по большей части регионалистской «Партии единства в защиту прав человека») обнаруживает общие черты с кейсами албанцев в Северной Македонии и венгров в Румынии и Словакии. Несмотря на

то, что кооптация албанских греков в национальное правительство происходила без выделения значительных министерских мандатов, она сопровождалась отсутствием идеологических предпочтений в рамках кооптационных практик (кооптацией пользовалась как левая Социалистическая партия Албании, так и правоцентристская Демократическая партия Албании). Вместе с тем за неимением серьезных угроз дестабилизации целостности государства со стороны движения за самоопределение и при снижении его электоральных показателей, в 2000-е годы кооптационные практики завершились.

На наш взгляд, именно в представленных кейсах кооптация проявляется наиболее явно как механизм управления политико-территориальной гетерогенностью. Кооптация здесь – рациональная сделка по обмену политической ренты (министерских постов и распределения власти на региональном и локальном уровнях) на снижение радикальности требований и нивелирование актуальной угрозы политико-территориальной целостности государств. Кооптация является наиболее системной и устойчивой, поскольку партии власти, сменяя друг друга, осуществляют кооптационные практики не ради удержания собственных позиций или консолидации режима, но в целях сохранения институционального статуса-кво и территориальной целостности государства.

Устойчивые кооптации средней степени с одним партнером. Выделяются в качестве отдельного класса случаи устойчивых правительственных кооптаций с одним приоритетным правящим партнером (по идеологическому и / или партийному критерию) – Падания в Италии, поляки в Литве, Истрия в Хорватии. «Лига Севера» Падания регулярно вступала в коалиционные правительства и выступала с электоральной поддержкой в 1990–2000-е годы исключительно в отношении правоцентристских правительств под руководством С. Берлускони. Партия «Электоральное действие поляков Литвы – Союз христианских семей», представляющая интересы польских регионалистов в Литве, заключает кооптационные соглашения исключительно с партиями левого толка (Демократическая партия труда Литвы, Партия труда, партия «Союз крестьян и зеленых Литвы»). В 2000–2003 и 2011–2015 годы «Истрийский демократический собор» вступает в кооптационные интеракции исключительно с левыми силами (Социал-демократическая партия Хорватии и коалиция «Союз за перемены»), что позволяет отнести данный случай к классу устойчивых кооптаций средней степени с одним партнером [Пивоваренко, 2023].

Устойчивые кооптации минимальной степени с разными партнерами. Случаи устойчивой институциональной кооптации минимальной степени (поддержка правящей партии без участия в правительстве и / или электоральная коалиция с правящей партией без вхождения в правительство) осуществляются, как правило, в отношении конкретных правящих партий (даже при условии того, что движения за самоопределение могут поддерживать и иные правящие партии в рамках исследовательского периода 1990–2024 годов). Иными словами, в рамках устойчивых кооптаций минимальной степени с разными партнерами часто можно отметить приоритетных партнеров, которым симпатизируют движения за самоопределение: поддержка Сербской прогрессивной партии со стороны «Альянса венгров Воеводины» (4 из 6 электоральных циклов), Испанской социалистической рабочей партии со стороны Баскской националистической партии (4 из 5), Хорватского демократического союза со стороны Независимой демократической партии сербов (4 из 5). Это может выступать свидетельством устойчивых соглашений между конкретными регионалистскими и общенациональными партиями. При этом в более демократических режимных условиях чаще наблюдаются случаи устойчивой парламентской поддержки (парламентское доверие кабинету без вхождения в правительство) правящих групп вне зависимости от партийной и / или идеологической принадлежности: Южный Тироль и Валле-д'Аоста в Италии, Каталония и Страна Басков в Испании в 1993–2000 годы. Такое положение дел может выступать демонстрацией поддержки институционального статус-кво вне связи с идеологическими и / или партийными предпочтениями, а также в качестве предложения дальнейшей кооптации со стороны регионалистских партий, которые готовы быть системными и умеренными в обмен на политические / экономические преференции.

Выводы и обсуждение

Результаты проведенного анализа позволяют выделить три класса кооптации движений за самоопределение: устойчивые правительственные кооптации высокой степени с разными партиями, устойчивые правительственные кооптации средней степени с одним или близкими идеологически партнерами, кооптации минимальной степени с разными партиями власти (но с наличием приоритетных партнеров). В случаях устойчивых правительствен-

ных кооптаций высокой степени с разными партиями (албанцы в Северной Македонии, венгры в Румынии и Словакии, греки в Албании) значение имеет фактор радикальности требований движения за самоопределение. Именно в этих кейсах наиболее показательно использование кооптации как механизма управления политико-территориальной гетерогенностью¹. Напротив, в случаях правительственных кооптаций средней степени с ярко выраженной партийной / идеологической преференцией в партнерствах сильной угрозы целостности государства не наблюдается (и, соответственно, нет уверенности в том, что кооптация используется в качестве механизма управления гетерогенностью). Примечательно также, что все случаи устойчивой кооптации высокой и средней степени (правительственные кооптации) с разными партийными партнерами характеризуются ярко выраженной этнической составляющей движений за самоопределение и наличием родственного государства (*kin-state*) (Албания, Венгрия, Греция). Подобных характеристик нет в устойчивых кооптациях средней степени с одним партийным / идеологическим партнером (за исключением поляков в Литве).

Дополнительно можно отметить следующие положения. Достаточно небольшое количество наблюдаемых случаев укладываются в стандартную логику кооптации оппозиционных партий, когда кооптационные практики имплементируются в условиях снижения электоральных показателей правящих партий. Кооптация регионалистов происходит в равной степени как в условиях роста электоральных показателей правящей партии (и ее переизбрания в качестве правящей), так и при их снижении. Формат кооптации регионалистских сил также не зависит от того, насколько демократическим является государство: либерально-демократические режимы так же регулярно пользуются кооптационными практиками, как и менее демократические гибридные режимы (тогда как классические исследования кооптации указывают на то, что кооптационные практики встречаются наиболее часто в недемократических государствах). Такие наблюдения могут служить свидетельством наличия различий кооптации движений за самоопределение и кооптации традиционных оппозиционных игроков. Можно предположить, что кооптация движений за самоопределение

---

¹ Хотя, безусловно, в 1990-е годы наблюдаются случаи радикальных требований движений за самоопределение, за которыми не последовало кооптационных практик (Страна Басков в Испании как пример).

является более важным с рациональной точки зрения для действующих властей нежели кооптация «обычных» оппозиционных сил – риски разрушения политико-территориальной целостности политики (направленные от регионалистских и сепаратистских сил) рационально превышают риски деформации институционального и / или режимного статус-кво (исходящие от оппозиционных партий).

M.V. Grabevnik*
**Co-optation of self-determination movements
in contemporary European states as a mechanism of governance
of political-territorial heterogeneity¹**

Abstract. Co-optation of self-determination movements can be considered as a mechanism of governance of political-territorial heterogeneity in contemporary polities. In the article, the author classifies formats of co-optation of self-determination movements by national authorities in European states in 1990–2024. The main research task is to collect empirically observed cases of institutional co-optation of self-determination movements and classify them by the criteria of degree and sustainability. The first part of the article presents the author's conceptualization of co-optation of self-determination movements, comparative parameters and boundaries of classification. The second part of the article presents empirically observed cases of institutional co-optation of self-determination movements in European states in 1990–2024 and their classification considering the criteria of stability and duration of co-optation. The final part is devoted to a comparative description of co-optation classes and fixation on individual examples of co-optation as a mechanism for managing political-territorial heterogeneity. Three key clusters of institutional co-optations are identified: stable government co-optations of a high degree with different parties, stable government co-optations of a medium degree with one or more close ideological partners, co-optations of a minimal degree with different parties. It has been established that co-optation as a mechanism for governance of political-territorial heterogeneity most often observed in the format of stable and long-term government co-optations with various party and ideological partners. This is due to the needs to eliminate radical demands from self-determination movements and preserve the political-territorial integrity of the state. Assumptions are made regarding possible differences in the mechanism of co-optation of self-determination movements and the traditional format of co-optation of opposition parties.

---

* **Grabevnik Mikhail**, Perm Research Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Science (Perm, Russia), e-mail: mikhailgrabevnik@yandex.ru

¹ The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-18-00530, <https://rscf.ru/project/23-18-00530/> (project «Why do inefficient institutions borrow? Management of political and territorial heterogeneity and ensuring territorial integrity State») at the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Keywords: co-optation; self-determination movements; political-territorial heterogeneity; regionalism; separatism; regionalist parties; Europe.

For citation: Grabevnik M.V. Co-optation of self-determination movements in contemporary European states as a mechanism of governance of political-territorial heterogeneity. *Political science (RU)*. 2025, N 3, P. 107–130.

DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.03.05>

References

- Armstrong D., Reuter O.R., Robertson G.B. Getting the opposition together: protest coordination in authoritarian regimes. *Post-Soviet affairs*. 2020, Vol. 36, N 1, P. 1–19.
- Arriola L.R., Devaro J., Meng A. Democratic subversion: elite cooptation and opposition fragmentation. *American political science review*. 2021, Vol. 115, N 4, P. 1358–1372.
- Bokobza L., Nyrup J. The rise of authoritarian multiparty governments. *Democratization*. 2024, Vol. 31, N 8, P. 1669–1694.
- Carter B.L., Hassan M. Regional governance in divided societies: evidence from the Republic of Congo and Kenya. *The Journal of Politics*. 2021, Vol. 83, N 1, P. 40–57.
- Everett J., Redzic E. Seeking representation: The development of hungarian minority parties in Serbia and Slovakia. *The journal of political theory, Political philosophy and sociology of politics politeia*. 2021, Vol. 101, N 2, P. 163–182.
- Gandhi J., Buckles G. Opposition unity and cooptation in hybrid regimes. *Proceedings of the 74th annual Midwest political science association conference*. Chicago, IL. 2016, P. 1–33.
- Gandhi J., Przeworski A. Authoritarian institutions and the survival of autocrats. *Comparative political studies*. 2007, Vol. 40, N 11, P. 1279–1301.
- Gandhi J., Przeworski A. Cooperation, cooptation, and rebellion under dictatorships. *Economics & Politics*. 2006, Vol. 18, N 1, P. 1–26.
- Gandhi J., Lust-Okar E. Elections under authoritarianism. *Annual review of political science*. 2009, Vol. 12, P. 403–422.
- Gerschewski J. The three pillars of stability: legitimation, repression, and co-optation in autocratic regimes. *Democratization*. 2013, Vol. 20, N 1, P. 13–38.
- Grabevnik M.V. Electoral regionalism: Case of democratic alliance of hungarians in Romania. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologija*. 2022, Vol. 16, N 1, P. 31–39. (In Russ.)
- Grabevnik M.V. Political-territorial integrity of the United Kingdom: Institutional innovations and mimetic isomorphism. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologija*. 2024, Vol. 18, N 1, P. 29–40. (In Russ.)
- Golosov G. Co-optation in the process of dominant party system building: the case of Russia. *East European politics*. 2014, Vol. 30, N 2, P. 271–285.
- Hultquist A.S., Birmir J.K., Asal V. The politics of co-optation: Ethnopolitical minority organizations and authoritarian elections in the Middle East. *Ethnopolitics*. 2021, Vol. 20, N 2, P. 216–243.
- Kavasoglu B. Opposition parties and elite co-optation in electoral autocracies. *Working paper of the varieties of democracy institute*. 2021, Series 2021, 120 p.
- Kavasoglu B. The power of cabinet appointments in autocracies: elite cooptation and anti-regime mass uprisings. *Journal of conflict resolution*. 2024, Vol. 0, N 0, P. 1–26.

- Malesky E., Schuler P. Nodding vs needling: analyzing delegate responsiveness in an authoritarian parliament. *American political science review*. 2010, Vol. 104, N 3, P. 482–502.
- Nyrup J., Bramwell S. Who governs? A new global dataset on members of cabinets. *American political science review*. 2020, Vol. 114, N 4, P. 1366–1374.
- Panov P.V. Power-sharing and managing ethnic heterogeneity in parliamentary and presidential systems. *Political science (RU)*. 2024, N 3, P. 43–65. (In Russ.)
- Panov P.V., Sulimov K.A. Party of power and systemic opposition in the State Duma: toward convergence of public rhetoric. *Ars administrandi*. 2021, Vol. 13, N 4, P. 516–535. (In Russ.)
- Pivovarenko A.A. Party «Istrian Democratic Assembly» and regional issues in contemporary Croatia. *Comparative politics (RU)*. 2023, Vol. 14, N 4, P. 59–79. (In Russ.)
- Ponomareva E.G. The former Yugoslavian republic of Macedonia: from a unitary to a binational state. *Political science (RU)*. 2010, N 1, P. 138–172. (In Russ.)
- Reuter O. J., Robertson G. Legislatures, cooptation, and social protest in contemporary authoritarian regimes. *The journal of politics*. 2015, Vol. 77, N 1, P. 235–248.
- Reuter O.J., Buckley N., Shubenkova A. Local elections in authoritarian regimes: an elite-based theory with evidence from Russian mayoral elections. *Comparative political studies*. 2016, Vol. 49, N 5, P. 662–697.
- Reuter O.J. *The origins of dominant parties: building authoritarian institutions in Post-Soviet Russia*. Cambridge: Cambridge university press, 2017, 336 p.
- Sambanis N., Germann M., Schadel A. SDM: A new data set on self-determination movements with an application to the reputational theory of conflict. *Journal of conflict resolution*. 2018, Vol. 62, N 3, P. 656–686.
- Schmotz A. Vulnerability and compensation: constructing an index of co-optation in autocratic regimes. *Eur polit sci*. 2015, Vol. 14, P. 439–457.
- Turovskiy R.F., Sukhova M.S. Co-optation of opposition in Russian regional parliaments: game that breaks rules. *The journal of political theory, Political philosophy and sociology of politics politeia (RU)*. 2021, Vol. 101, N 2, P. 121–143. (In Russ.)
- Wiebrecht F. Between elites and opposition: legislatures' strength in authoritarian regimes. *Democratization*. 2021, Vol. 28, N 3, P. 1075–1094.
- Williamson S., Magaloni B. Legislatures and policy making in authoritarian regimes. *Comparative political studies*. 2020, Vol. 53, N 9, P. 1525–1543.
- Wilson M.Ch., Woldense J. Contested or established? A comparison of legislative powers across regimes. *Democratization*. 2019, Vol. 26, N 4, P. 585–605.

Литература на русском языке

- Грабевник М.В. Политико-территориальная целостность Соединенного Королевства: институциональные инновации и подражательный изоморфизм // Вестник Пермского университета. Политология. – 2024. – Т. 18, № 1. – С. 29–40.
- Грабевник М.В. Электоральный регионализм: случай Демократического союза венгров Румынии // Вестник Пермского университета. Политология. – 2022. – Т. 16, № 1. – С. 31–39.
- Панов П.В. Power-sharing и управление этнической гетерогенностью в парламентских и президентских системах // Политическая наука. – 2024. – № 3. – С. 43–65.

- Панов П.В., Сулимов К.А.* Партия власти и системная оппозиция в Государственной Думе: конвергенция публичной риторики // *Ars Administrandi* (Искусство управления). – 2021. – № 13 (4). – С. 516–535.
- Пивоваренко А.А.* Партия «Истрийский демократический сабор» и проблематика регионализма в современной Хорватии // *Сравнительная политика*. – 2023. – Т. 14, № 4. – С. 59–79.
- Пономарева Е.Г.* Республика Македония: наступление албанского меньшинства // *Политическая наука*. – 2010. – № 1. – С. 138–172.
- Туровский Р.Ф., Сухова М.С.* Кооптация оппозиции в региональных парламентах России: игра с нарушением правил // *Полития*. – 2021. – № 2 (101). – С. 121–143.